

то-есть вся дѣятельность неизбѣжно основывалась на ней. Должно-быть было на свѣтѣ ужасно много глупыхъ теорій, если вошло въ употребленіе такое удивительное разсужденіе. Теорія вѣдь это то, что человѣкъ думаетъ о предметѣ, а практика то, что онъ дѣлаетъ. Какъ же можетъ быть, чтобы человекъ думалъ, что надо дѣлать такъ, а дѣлалъ бы навыворотъ?“ „Я понялъ, говорить гр. Толстой далѣе, въ сущности только то, что я зналъ давнымъ-давно, ту истину, которая передавалась людямъ съ самыхъ древнихъ временъ и Буддой, и Исаіей, и Лаотзи, и Сократомъ, и особенно ясно и несомнѣнно передана намъ Иисусомъ Христомъ и предшественникомъ его Іоанномъ Крестителемъ. Іоаннъ Креститель на вопросъ людей: что намъ дѣлать? отвѣчалъ просто, коротко и ясно: у кого двѣ одежды, тотъ дай тому, у кого нѣтъ и у кого есть пища, дѣлай тоже (Луки III, 10, 11). То же и еще съ большею ясностью говорилъ Христось. Онъ говорилъ: блаженни нищии и горе богатымъ. Онъ говорилъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ. Онъ запретилъ ученикамъ брать не только деньги, но и двѣ одежды. Онъ сказалъ богатому юношѣ, что онъ не можетъ войти въ царство Божіе, потому что онъ богатъ, и что легче войти верблюду въ ушко иглы, чѣмъ богатому въ царство Божіе“.

Насколько увлекается графъ Толстой своею мыслью, видно изъ того, что онъ придаетъ словамъ